

А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Н. С. Хрущев:

«В вопросах искусства я сталинист».

Из интервью газете «Советская культура»

Поэты, заявившие о себе в 60-х годах, пожалуй, лучшие свои вещи написали в 70-х и 80-х. В стихах сказалась боль от крушения иллюзий. Деление на поколения в поэзии механистично. В те годы я написал о поколениях — «горизонтальном» (по возрасту) и «вертикальном» (по совести и таланту). Эти слова о «вертикальном» поколении, доносительно искажив, процитировали, чтобы вывести из себя Н. С. Хрущева, на злополучной встрече с интеллигенцией в Кремле¹. Он потребовал меня на трибуну.

Свердловский голубой купольный зал был заполнен парадными костюмами, белыми нейлоновыми сорочками, входящими тогда в обиход. Это в основном были чины с настороженными вкраплениями творческой интеллигенции.

Трибуна для выступающих стояла спиной к столу президиума. Почти вплоты к столу, за которым возвышались — Хрущев, Брежнев, Суслов, Козлов и Ильичев... Их десятиметровые портреты украшали улицы по праздникам. Их несли над колоннами.

Хрущев был нашей надеждой, я хотел рассказать ему как на духу о положении в литературе, считая, что он все поймет.

Но едва я, волнуясь, начал выступление, как кто-то из-за спины стал меня прерывать. Я продолжал говорить. За спиной раздался микрофонный рев: «Господин Вознесенский!» Я просил не прерывать. «Господин Вознесенский, — взревело, — вон из нашей страны, вон!»

По сперва растерянным, а потом торжествующим лицам зала я ощутил, что за спиной моей происходит нечто страшное. Я обернулся. В нескольких метрах от меня вопило искаженное злобой лицо Хрущева... Глава державы вскочил, потрясая над головой кулаками. «Господин Вознесенский! Вон! Товарищ Шелепин выпишет вам паспорт». Дальше шел совершенно чудовищный поток.

За что?! Или он рехнулся?.. «Это конец», — понял я. Только привычка ко всякому во время выступления удержала меня в рассудке.

Из зала, теперь уже из-за моей спины доносился скандеж: «Долой! Позор!»

Метнувшись взглядом по президиуму, все еще ища понимания, я столкнулся с ледяным взглядом Козлова. Как остановить этот ужас? Все-таки я прорвался сквозь ор и сказал, что прочитаю стихи.

«Никаких стихов! Знаем! Долой! Вон!» — неслось мне в спину. Зал хотел крови...

И тут в перекошенном лице Главы я увидел некую пробивающуюся мысль, догадку, будто его задело что-то, пробудило сознание, что-то стало раздражать — или это мне показалось? — будто он увидел в ревущей, торжествующей толпе свою будущую гибель, почуял стихийную силу неподконтрольной номенклатуры. Через год она свернет ему шею. Набычась, он обиженно протянул: «Нет, пусть читает».

Когда я дошел до строк: «Какая пепельная стужа сковала б Родину мою! Моя замученная муза, что пела б в лагерном краю?»² — зал злорадно затих. В те дни, теряя контроль над процессом, Глава уже давал в политике задний ход. Читая, я, как обычно, отбивал ритмы поднятой рукой. Когда кончил, раздались робкие хлопки в зале. «Агент! Агент!» — закричал в зал премьер. «Ну вот, агента зовет, сейчас меня заберут», — подумалось. А он все кричал, но уже тоном ниже, видно выпустив пар: «Вы что руку поднимаете? Вы что, нам путь указываете? Вы думаете, вы вождь?» Он взмок от полчасового крика, рубашка прилипла темными пятнами. Но он и не думал передыхать.

— Ну теперь, агент, пожалуй сюда! Очкарик в красной рубаше, агент империализма, — короткий пухлый палец тыкал в угол зала, где сидел молодой художник Илларион Голицын, потомок князей, ученик Фаворского. Он-то, оказалось, и хлопал мне...

Я потом долго не мог уразуметь, как в одном человеке сочетались и добрые надежды 60-х годов, мощный замах преобразований, и тормоза старого мышления, это купеческое самодурство.

Помню, я как в тумане прослушал его (Хрущева) доклад, где уже хвалился Сталин, прошел через оживленную, вкусно покушавшую толпу. Около меня сразу образовалось пустое место, недавние приятели отводили глаза, испарялись.

Помню, я вышел на темную мартовскую кремлевскую площадь. Бил промозглый ветер. Куда идти? Кто-то положил мне лапищу на плечо. Оглянувшись, я узнал Солоухина. Мы не были с ним близки, но он подошел: «Пойдем ко мне, чайку попьем. Зальем беду». Он почти силой увлек меня, не оставляя одного, всю ночь занимал своим собранием живописи, пытался заговорить нервы...

— Всем нам еще предстоит понять причины силы и бессилия такой яркой и далеко не однозначной личности, как Н. С. Хрущев. Для этого нужно вспомнить все, до мельчайших деталей, чтобы воздать должное, чтобы извлечь уроки из ошибок. Но одни вспоминают 50–60-е годы как время революционных перемен. Другие с болью, кто-то с обидой, а кто-то с гневом. Кто прав?

— Те, кто вспоминает (так в тексте. — Сост.) искренне. Доброта поражает зло, чтобы зла стало меньше. Думаю, одна из ошибок Хрущева в том, что он не доверял интеллигенции. Все свои обиды за хозяйственные неудачи он вымещал не на своих соратниках, а на художниках и поэтах. Помню, в зале обескураженное лицо Олега Ефремова, Ю. Завадского, когда он кричал на меня.

Мне рассказывали, как Н. С. Хрущев топал ногами на тоненькую Алигер. Как крохотная старушка Шагинян ушла пешком с его дачи, выдернув из ушей слуховой аппарат, чтобы не слышать того, что премьер кричал ей вслед. Никто не посмел ей дать машину.

Мало читая сам, он оценивал с чужих слов, доверился наушникам и интриганам. Трагедия с романом «Доктор Живаго» написана ими же. Хрущев не доверял демократизации, не позволяя народу самому судить о сталинских преступлениях, он разрешал это лишь себе в кругу высшей элиты.

Хрущев — в истории фигура трагичная. Его доклад на XX съезде — акт безоглядного риска и чести. Кстати, пора доклад обнародовать³. Люди должны знать истину. Да и доклад Бухарина на I съезде писателей надо опубликовать⁴.

...Я год скитался по стране. Где только не скрывался; до меня доносились гулы собраний, на которых меня прорабатывали, требовали покаяться, разносные статьи. Сознание отупело. Депрессия. Впрочем, был молод тогда — оклемался. Остались стихи. Матери моей, полгода не знавшей, где я и что со мной, позвонил журналист: «Правда, что ваш сын покончил с собой?» Мама с трубкой в руках сползла на пол без чувств.

Через год, будучи на пенсии, Хрущев передал мне, что сожалеет о случившемся и о травле, что потом последовала. Я ответил, что не держу на него зла. Ведь главное, что после пятьдесят шестого года были освобождены люди.

